

Татьяна Артёмова

ОТНОШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА В УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Проблемы модернизации национальной экономики и повышения благосостояния населения спустя четверть века рыночного реформирования сохраняют свою актуальность; успешное разрешение этих проблем требует осмысления мирового опыта трансформирования общей модели рыночного хозяйствования на рубеже XX–XXI веков. В статье проясняются содержание и закономерности глобальной трансформации государственного сектора как концептуальная платформа выхода Украины на траекторию устойчивого социально-экономического развития.

Ключевые слова: государственный сектор, глобальные трансформации, государственная собственность, эффективное управление корпоративными правами.

JEL: B410:H820.

Четверть века рыночного реформирования Украины до сих пор не дали желаемых результатов: проблемы модернизации национальной экономики и повышения благосостояния населения остаются актуальной повесткой дня. Особенности отношений воспроизводства в современной Украине являются неустойчивый характер экономического роста, структурная несбалансированность экономики и товарного экспорта, зависимость благосостояния домохозяйств от диверсифицированных источников денежных поступлений, в том числе от деятельности в сфере нестандартной и неформальной занятости. Практика мирового хозяйствования предлагает различные формы и способы стимулирования деловой активности для перехода на траекторию устойчивого развития: импортозамещение, проведение политики жесткой бюджетной экономии, ужесточение налоговой дисциплины, активизацию существующих и создание новых институтов развития, амнистию теневого и оффшорного капиталов, совершенствование механизмов кредитования и поддержки субъектов малого и среднего бизнеса. Между тем залогом успешного применения указанных мер является их упорядочение в русле соответствующей концепции экономической политики, а, следовательно, в более широком контексте – осмысление и выбор определенной модели общего государственного обустройства и управления.

Проблемы институционального обеспечения национальной экономики нашли отображение в работах многих исследователей – Л. Антонюк, В. Базилевича, И. Бураковского, В. Вишневого, А. Гриценко, В. Гейца, В. Деметьева, И. Малого, В. Мандыбуры, Т. Мельник, В. Мунтияна, А. Поручника, О. Рогача, В. Тарасевича, А. Филиппенко, О. Ярёмченко и других. Однако в научной литературе до сих пор почти не уделяется внимания закономерностям функционирования общей экономической модели хозяйст-

Артёмова Татьяна Александровна (vobulimans85@mail.ru), д-р экон. наук, доц., с.н.с.; главный научный сотрудник отдела экономической теории ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины".

ования в Украине с учётом глобальных тенденций её рыночного трансформирования. Так, в Конституции Украины хозяйственный строй Украины трактуется как суверенное и независимое, демократическое, социальное, правовое государство. В то же время в научных кругах давно ведутся дискуссии об исторических судьбах нынешней модели социального государства, а в научной и учебной литературе современное хозяйственное устройство часто характеризуется как капиталистическое. В связи с неопределённостью базовых устоев общественной жизни размытыми оказываются ориентиры поступательного хозяйственного развития, а также его концептуальное оформление в виде соответствующих программ экономической политики. С учётом сказанного *целью статьи* является прояснение содержания и основных тенденций современной рыночной трансформации государственного сектора экономики как концептуальное пространство становления траектории устойчивого социально-экономического развития Украины.

Необходимость кардинального преобразования экономических отношений в условиях стремительного распада хозяйственной системы традиционного социализма обусловила концентрацию научной и управленческой мысли постсоветских стран на разрешении насущных хозяйственных проблем и отвлёкла от скрупулезного анализа общемировых тенденций развития. Между тем трансформационные процессы в конце XX века охватили не только страны традиционного социализма; существенным модификациям подверглись социально-экономические и организационные отношения во всем мире, прежде всего в развитых странах Европы, в США и Японии, а также в Китае и других. Так, в 1990-е годы подверглась пересмотру господствующая в развитых странах патерналистская модель социального рыночного государства. Новое видение места и роли государства в социально-экономической системе вытекало из осмысления опыта реформирования государственного сектора в 1980-е – 1990-е годы, известного под названием "неолиберальной революции". Вплоть до конца 1970-х годов государственные предприятия здесь весьма успешно функционировали в разных отраслях экономики – от транспорта (Великобритания) и автомобильной промышленности (Франция, Италия) до рекламы (Франция). Даже в американском обществе, несмотря на его традиционную приверженность идеологии индивидуализма, активное регулирующее вмешательство государства в социально-экономические процессы стало восприниматься как необходимая стабилизирующая мера. Как отмечают специалисты, провозглашенная в 1960-е годы в США задача построения "великого общества" по сути мало чем отличалась от патерналистских государственных программ в социалистических странах (Сулян, 2002. С. 4–5).

В целом совокупные расходы государства (в процентах к ВВП) в большинстве развитых стран достигли к концу 1970-х годов внушительных размеров: 28% в Японии, 34% в США, 37% в Великобритании, Португалии и Финляндии, 42% в Германии, Канаде, Ирландии, 46–47% в Италии и Греции, 57% в Швеции и Дании (Feigenbaum, Henig, Nament, 1998. С. 13). Однако уже к этому времени явно обнаружилась себя неэффективность ряда государственных программ, а к началу 1980-х годов стало очевидным, что макроэкономическая деятельность государства в рыночной системе хозяйства имеет свои пределы. Первыми симптомами накопившихся проблем стали рост цен и безработицы, вылившиеся в мировой экономический кризис 1974–1975-х годов, а затем – в кризис 1980–1981-х годов, и сформировавшие долговременную тенденцию снижения темпов экономического роста и капиталовложений. Ответными мерами на кризисные явления стала волна приватизации 1980–1990-х годов, которая кардинально изменила панораму государственного предпринимательства и регулирования экономики в западном мире.

Для прояснения социально-экономической сути неолиберальной революции важно обратить внимание на побудительные причины её осу-

ществления. Во-первых, по мнению специалистов, в подавляющем большинстве государственные предприятия к этому времени уступали по эффективности частным фирмам; повсеместно росли правительственные расходы по субсидированию предприятий, что неизбежно усугубляло проблемы бюджетного дефицита и государственного долга. Необходимость оздоровления финансового состояния государственного хозяйства явилась, таким образом, одним из важнейших мотивов осуществления масштабной приватизации. Помимо названной, указывают еще три существенные причины: стремление реализовать назревшие структурные реформы; желание повысить конкурентоспособность национальных экономик, а также идеологическую, связанную с реализацией экономической политики монетаризма. В своей знаменитой работе "Капитализм, свобода и демократия" М. Фридман для доказательства неэффективности экономической деятельности государства выдвинул несколько ключевых тезисов, получивших большой общественной резонанс. Признавая особую природу общественных благ и ответственность государства за их обеспечение, автор, в частности, обосновывал, что правительство объективно вынуждено реализовать свои функции в этой области с помощью частных институтов, используя рыночные механизмы (Fridman, 1962).

После неолиберальной революции развитые страны стали существенно различаться по структуре и качеству публичного сектора. Так, к середине 1990-х годов Великобритания наряду с Люксембургом оказалась в числе стран ЕЭС с наименьшим удельным весом госсектора: его доля в производстве и услугах сократилась до 3% объема ВВП. В отличие от Великобритании, Франция, Италия, Португалия, Греция сохранили существенные масштабы (до 15% ВВП) и влияние государственной собственности в экономике. В целом, однако, несмотря на сужение абсолютных размеров государственной собственности, к началу XXI века государство не утратило властных позиций в экономике. Динамика государственных доходов и расходов со второй половины XX века до начала 2000-х годов представлена в табл. 1, 2.

В США, например, доля государственного сектора на начало 2000-х годов с учётом части совокупного продукта, перераспределяемой через федеральный и местные бюджеты, составляла около 30% объема ВВП; удельный вес государства в национальном богатстве страны оценивался примерно в 25%. При этом на долю казенных предприятий приходилось только 2% от их общего числа в экономике¹. Структурные реформы

Таблица 1

Динамика доходной части расширенного правительства в ВВП некоторых стран с 1960-х до начала 2000-х годов

Страна	1960–1969	1970–1979	1980–1989	1990–1999	2000–2004
Австралия	25,5	28,9	33,9	35,1	36,2
Австрия	41,3	45,6	50,9	52,1	51,3
Бельгия	–	43,7	48,2	48,3	49,8
Великобритания	–	40,3	42,6	39,3	40,3
Германия	38,0	43,4	44,6	45,8	45,7
Голландия	–	46,9	53,0	49,3	46,2
Испания	22,7	26,6	36,6	40,0	39,7
Италия	29,3	30,7	38,2	45,9	45,2
Канада	–	–	40,2	43,8	42,4
США	28,8	30,6	31,7	33,2	33,0
Франция	39,7	42,0	48,8	50,1	51,1
Швеция	43,5	54,2	60,1	61,3	60,2
Япония	–	23,8	30,3	32,2	31,4
В среднем по странам ОЭСР	33,5	37,7	42,1	45,0	44,2

Источник: Гайдар Е. (2004). Государственная нагрузка на экономику // Вопросы экономики. №9. С. 3–23. С. 14.

¹ Роль государства в экономике США: материалы научной конференции // США – Канада: ЭПК. 2002. № 6. С. 61–79. С. 65.

Таблица 2

**Динамика государственных расходов в развитых странах мира
в 1970-х – 2000-х годах, % к ВВП**

Страна	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000
Австралия	25,2	31,3	32,3	37,8	33,0	35,4	31,4
Австрия	38,0	44,4	47,2	50,1	48,5	52,4	48,8
Бельгия	39,7	47,6	53,4	57,3	50,8	50,3	46,7
Великобритания	36,7	44,4	43,0	44,0	41,9	44,4	38,4
Германия	37,2	47,1	46,5	45,6	43,8	46,3	43,0
Италия	32,7	41,0	41,8	50,6	53,1	52,3	46,7
Канада	33,8	38,9	39,1	45,4	46,0	45,3	37,8
Корея	14,8	16,9	19,2	17,6	18,3	19,3	23,4
США	29,6	32,3	31,3	33,8	33,6	32,9	29,3
Финляндия	29,7	37,0	37,1	42,3	44,4	54,3	44,8
Франция	37,6	42,3	45,4	51,9	49,6	53,6	51,2
Швеция	41,7	43,7	56,9	59,9	55,8	62,1	53,9
Япония	19,0	26,8	32,0	31,6	31,3	35,6	38,2
В среднем по странам ОЭСР	29,2	32,3	31,3	33,8	33,6	32,9	36,4

Источник: Ясин Е. (2002). Бремя государства и экономическая политика (либеральная альтернатива) // Вопросы экономики. № 11. С. 4–31. С. 5.

обусловили, во-первых, снижение доли государственных расходов, направляемых на стимулирование экономического роста; во-вторых, концентрацию государственного сектора исключительно в инфраструктурных отраслях. Это стало заметным отличием экономической модели США в сравнении с другими развитыми странами.

В новых условиях хозяйствования эффективность системы государственного управления превратилась в ключевой фактор экономического могущества государства. Передавая государственные предприятия в управление и эксплуатацию частным корпорациям, государство могло предоставлять своему управляющему, помимо основного, также и оборотный капитал, обеспечивать "свою фирму" льготными кредитами, субсидиями, выгодными заказами, помогая в организации сбыта продукции и т. д.². Вследствие этого через бюджеты развитых стран продолжали перераспределяться огромные суммы добавленной стоимости. Так, например, в 1991 году объем федерального бюджета США в 2,5 раза превышал суммарную прибыль всего корпоративного сектора; в 1992 году – более чем в 3 раза (Губанов, 2001. С. 40). Участие государства в процессах воспроизводства оказывалось еще более значительным, если принимать во внимание его роль в регулировании амортизационных отчислений, формировании спроса, издержек и накоплений, условий кредитования, в реализации государственно-корпоративных программ, в деятельности крупнейших совместных комплексов (военно-промышленном, атомном, электронно-информационном) и прочее.

Сказанное выше убедительно свидетельствовало о том, что на рубеже веков в экономике развитых стран происходит становление нового типа государственного сектора. Его особенностями стало, с одной стороны, сокращение доли государственной собственности и прямого вмешательства в хозяйственные процессы; с другой – расширение методов опосредованного воздействия государства на процессы общественного воспроизводства и кругооборот совокупного капитала³. Внешне успешная трансформация государственного сектора в развитых странах, несмотря на трудности и затяжной характер рыночного реформирования постсоветского экономического пространства (проводившегося по схожим теоретическим рецептам), породила здесь уверенность в эффективном овладении хозяйственной процессуальностью на национальном и глобальном уровнях. В 1997 году в Докладе Всемирного банка "Государство в меняющемся мире" бы-

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 66–67.

ли обозначены основные контуры модели эффективного государства как преемницы модели государства всеобщего благоденствия либо его европейской разновидности социального рыночного государства⁴.

В начале 2000-х годов интеллектуальная элита развитых стран выступила с глобальной инициативой "новой" экономики; последняя характеризовалась "необычайными изменениями экономических показателей, включая быстрый рост производительности труда, повышение доходов, низкий уровень безработицы и умеренную инфляцию, которые являются следствием комбинации усиливающих друг друга достижений научно-технического прогресса, методов ведения бизнеса и совершенствования экономической политики"⁵. Содержание "новой" экономики прояснялось сквозь призму концепции экономики, основанной на знаниях (экономики знаний), и её основных атрибутов:

- превращения знаний как продуцента релевантной информации в решающий фактор экономического роста и источник общественного богатства;

- диффузии научно-технологических инноваций вследствие эффективной коммерциализации знания и воплощения научной и образовательной общественной деятельности в инвестиционные и потребительские товары;

- способности хозяйствующих субъектов различного уровня управлять бытием времени собственной социально-экономической жизнедеятельности в целях обеспечения конкурентных и прочих рыночных преимуществ.

Опираясь на вывод экспертов ООН, что в экономике, основанной на знаниях, знания создаются, распространяются и используются для обеспечения хозяйственного роста и международной конкурентоспособности страны, специалисты связывали надежды ускоренного становления такой экономики в постсоветских странах с возможностями технологического прорыва и безбедной жизни (Артёмова, 2011. С. 18–19). Доводом в пользу таких рассуждений служила практика быстрой капитализации компаний на финансовых рынках в конце 1990-х годов. Однако попытки скорого обогащения неожиданно обернулись крупными потерями для субъектов сферы информационно-коммуникативных технологий, а массовые спекуляции, переместившись в сферу ипотечного кредитования, завершились глобальным финансово-экономическим кризисом. В ходе реализации идей "новой" экономики как общества непрерывных инноваций и сверхскоростей капиталистические страны утратили ориентиры устойчивого развития: закономерно начавшиеся в 1980-е годы процессы либерализации экономических отношений стремительно переросли в "ревущие девиантные" (по Дж. Стиглицу) (Стиглиц, 2005).

Глобальный финансово-экономический кризис потребовал пересмотра прогнозов экономического развития, обесценил многие общественные инициативы, в том числе, концептуальную модель эффективного государства. Сегодня в научно-популярной литературе эффективное государство всё более ассоциируется с субъектом, способным обеспечить для страны устойчивые перспективы политической стабильности, экономического роста и социального развития посредством манипулирования источниками "жесткой", "мягкой" и "умной" силы. Сильное государство должно располагать, с одной стороны, достаточными властными полномочиями для противостояния как внешним, так и внутренним вызовам, связанным с лоббированием особых интересов, с другой – эффективными институтами для мобилизации хозяйственных ресурсов и укоренения

⁴ Отчет о мировом развитии. Всемирный банк. Государство в меняющемся мире / пер. с англ. М.: Прайм ТАСС, 1997.

⁵ Economic Report of the President 2001. Washington, 2001. P. 19.

навыков демократического управления посредством тонкой отладки взаимосвязей между гражданским обществом и правящими элитами (Цыганков, 2015. С. 9, 14). В странах со слабым государством его управляющие, по мнению И. Валлерстайна, будучи неспособными эффективно координировать деятельность сложного промышленно-коммерческо-сельскохозяйственного механизма, превращаются в феодалов отдельных поместий, утрачивая легитимные полномочия на управление целым.

В наибольшей степени проблема формирования эффективного государства актуальна для стран постсоветского пространства, для Украины. Контуры такой модели, как отмечалось, были обозначены в конце 1990-х годов в Докладе Всемирного банка "Государство в меняющемся мире". Между тем, основные положения Доклада не дают готовых ответов на возникающие вопросы: как может обрести силу государство, освободившееся от основной массы своих экономических активов вследствие приватизации? Посредством каких механизмов оно способно демонстрировать свою политическую, административную и социально-экономическую эффективность и привлекательность? Прояснить закономерности трансформации моделей государственного управления в развитых странах, которые служат ориентирами для рыночных преобразований в Украине, возможно с позиций ценностной методологии. Такая методология позволяет активизировать творческий потенциал функционального, причинно-следственного и институциональных подходов в экономике (Артёмова, 2006). Ключевой предпосылкой анализа является то, что модель эффективного государства реализуется в форме публичного сектора экономики на основе совместно-разделенных отношений собственности и управления (Гриценко, 2011) в системе государство – корпоративный сектор. При этом высокая результативность функционирования государства достигается, в частности, за счет эффективного управления корпоративными правами, прежде всего, государственными корпоративными правами.

В экономической литературе под корпоративным управлением, как правило, понимается система взаимоотношений различных групп акционеров и менеджеров корпорации, имеющая целью защиту финансовых интересов акционеров (как части инвесторов) от оппортунистического поведения менеджеров. Вместе с тем такой подход является односторонним: систему, отражающую сложную взаимосвязь отношений собственности и управления, следует рассматривать более широко – в единстве её правовой и экономической составляющих. Так, с *правовой точки зрения*, корпоративное управление предстает как предусмотренный действующим законодательством механизм управления деятельностью хозяйствующего субъекта (корпорации), обеспечивающий его эффективность и прибыльность в интересах собственников и других заинтересованных лиц (кредиторов, инвесторов, работников, поставщиков и покупателей, государственных органов и др.) (Кибенко, 2001. С. 32–33). В этом смысле корпоративное управление как бы выполняет двойную функцию: *во-первых*, регулирует отношения внутри самого хозяйственного общества, складывающиеся между его участниками и хозяйственным обществом как юридическим лицом; *во-вторых*, регулирует отношения хозяйственного общества с иными субъектами права, не связанными с корпорацией отношениями участия, – государством, сторонними юридическими и физическими лицами.

С *экономической точки зрения*, отношения корпоративного управления детерминируются типом отношений собственности (присвоения). Будучи обусловленной историческим развитием производительных сил, трансформация общественных отношений присвоения носит объективный характер; следовательно, в обществе отсутствуют прямые рычаги воздействия на систему корпоративного управления, с помощью которых можно было бы однозначно достигать поставленной цели. В этом смысле управление отношениями собственности приобретает характер управления эко-

номическим потенциалом. Управление отношениями собственности, независимо от его форм, опосредовано государством; нормативно-правовая же регламентация волевых отношений собственности исходно выступает регулятором процесса общественного воспроизводства в целом, а, следовательно, и всей системы экономических отношений собственности.

Основу современной системы управления правами и отношениями собственности составляет управление корпоративными правами. *В узком смысле управление корпоративными правами* в системе государство – корпоративный сектор осуществляется в пределах пучков правовых полномочий в направлении реализации целей и интересов собственников. При этом система управления корпоративными правами в казенных предприятиях и объектах с соответствующей государственной долей образует *ядро государственного сектора – государственный сектор в узком смысле* и должна служить эталоном эффективной организации для субъектов бизнеса. *В широком смысле управление корпоративными правами*, опосредованное управлением государственными корпоративными правами (и наоборот), *составляет основу функционирования государственного сектора экономики в широком смысле – в форме публичного сектора*. Следовательно, эффективное управление государственными корпоративными правами, с одной стороны, является составной частью общей системы корпоративного управления; с другой – обуславливает саму эту систему, нацеливает её на результативное функционирование, позволяющее сочетать стремления компаний привлекать инвестиции, рационально использовать ресурсы, обеспечивать рост стоимости акционерного капитала с интересами повышения конкурентоспособности национальной экономики и благосостояния населения.

Таково внутреннее содержание модели эффективного государства как совместно-разделенных отношений собственности и управления. Критерием её практического осуществления является *становление эффективного собственника* – ответственного хозяйственного субъекта, отличающегося инновационным поведением, внедряющего на предприятии эффективную систему корпоративного управления и высокую корпоративную культуру, которая позволяет увязать в единое целое интересы наемного работника, корпорации и общества: содействует глубокой реструктуризации производства, социализации экономических отношений, повышению конкурентоспособности национальной экономики. Система эффективного управления государственными корпоративными правами способствует оптимизации объемов государственной собственности и функционированию государственных предприятий как субъектов предпринимательского типа. Одновременно выступая инициатором становления инновационной системы корпоративного управления в более широком поле публичного сектора, государство получает возможность активно влиять на субъектов и на процессы расширенного воспроизводства, эффективно привлекать средства в государственный бюджет с последующим их умным инвестированием в социально-экономические программы. Совместно-разделенные отношения не исключают наличия спектра разнонаправленных интересов и целевых установок, которые подлежат гармонизации; однако приоритетность национальных интересов расширенного воспроизводства не отменяет неизбежные принципы экономического суверенитета фирмы, в том числе и государственной корпорации.

В целом практика хозяйствования к началу 2000-х годов демонстрировала тенденцию становления в развитых странах мира модели эффективного государства. Отвечая на вызовы 1990-х годов, Организация экономического сотрудничества и развития сформулировала Принципы современного корпоративного управления; их деятельную реализацию в публичном секторе экономики призваны были обеспечить институты государ-

ственно-частного партнерства и социальной ответственности организации. Оформились разновидности новой модели государственного сектора:

англо-саксонская, с незначительными масштабами государственной собственности и преимущественно "горизонтальными" (налогово-бюджетными) методами регулирования корпоративного сектора;

евроконтинентальная, с широким диапазоном корпоративных прав, значительной долей государственной собственности (прежде всего, в финансовой сфере и отраслях инфраструктуры) и, соответственно, государственных расходов в экономике;

японская, с уникальным симбиозом "перекрестных" владений и сформированными на его основе экономическими субъектами государственно-корпоративного типа, с относительно малой долей бюджетных расходов и небольшими размерами государственной собственности.

Посредством эффективного управления воспроизводственным потенциалом правительства развитых стран получали возможность сформировать социально ориентированную инновационную экономику, отвечающую реалиям информационного (постиндустриального) общества. Трансформирование отношений собственности закономерно обуславливало становление тройственной структуры национальной экономики (рис. 1).

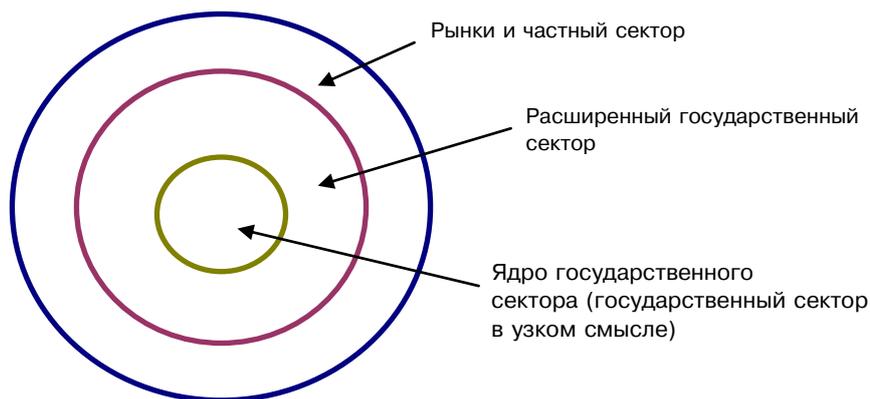

Рисунок 1. Схема национальной экономики в контексте модели эффективного государства

Источник: построено автором на основе "Всемирный банк. Государство в меняющемся мире / пер. с англ. М.: Прайм ТАСС, 1997".

Между тем недостаточное теоретическое осмысление трансформации моделей государственного управления вследствие ослабления методологических позиций причинно-следственного анализа способствовало ценностному выхолащиванию институтов государственно-частного партнерства, социальной ответственности организации – укреплению общественных приоритетов экономической эффективности за счет ослабления принципов социальной ответственности. Глобальный финансово-экономический кризис обнаружил несоответствие такой формы эффективного государства законам становления информационного общества. Посткризисный этап общественного развития закрепил и усилил противоречивые тенденции.

Государство, лишившись значительной части активов в ходе масштабной приватизации и не восполнив их адекватной системой совместно-разделенных отношений собственности и управления, пало жертвой корпоративного рейдерского захвата и постепенно стало утрачивать ориентиры и рычаги социального хозяйствования. По мнению специалистов, сегодня глобальный бизнес становится главным субъектом политики, подминая под себя государство; логика же корпорации, в отличие от ло-

гики общества, зиждется на принципах оптимизации издержек (Десягин, 2015. С. 48). Так, высокая продуктивность информационных технологий вытесняет из производительного процесса всё большее количество людских ресурсов, но эффективное государство, формально уподобившись коммерческой фирме, "не замечает" этого, а корпорации не желают выполнять социальных функций за пределами собственной рациональной целесообразности. Вследствие этого происходит сужение слоя среднего класса, нарастает дегуманизация экономических отношений. Попытка заместить сжимающийся рыночный спрос расширением государственных расходов актуализирует проблему роста суверенных долгов, многие из которых квалифицируются специалистами как безнадежные; на глобальном уровне формируется тенденция постепенного замещения "стратегии финансирования" долга планом его "списания" посредством технологий гибридных войн (Десягин, 2015; Коровин, 2014).

Трансформация отношений собственности в соответствии с законами хаоса и катастроф, энтропии и нелинейного развития, постулированными неравновесной информационной теорией стоимости (Артемова, 2006. С. 138–142), обусловила реставрацию капиталистической природы государства. Официально заявляя о необходимости защиты общенациональных интересов, современное государство на деле выявляет себя апологетом крупного (прежде всего финансового) капитала. Действительно, в ходе преодоления последствий глобального кризиса ведущие политики не раз публично заявляли о том, что выкуп государством акций промышленных корпораций и банков является беспрецедентной мерой временного характера. Между тем корпоративные долги трансформировались в долги государственные и легли на плечи основной массы индивидуальных налогоплательщиков, тогда как прибыли и бонусы управляющих в финансовой сфере вернулись к докризисным показателям и даже превысили их⁶.

О дрейфе государства в сторону капиталистической модели свидетельствуют также факты сокращения доли индивидуальных акционеров в совокупном акционерном капитале США в сравнении с крупными институциональными инвесторами; обострение проблемы поляризации доходов и рост коэффициента Джини; пополнение слоев бедного населения за счет представителей среднего класса (Супян, 2015. С. 11, 21; Шлихтер, 2014. С. 44). Неспособность государства эффективно реформировать систему социального обеспечения обуславливает устойчивую тенденцию увеличения пенсионного возраста и трудового стажа. Противоречивые характер и результаты реформирования сферы предоставления общественных благ в целом демонстрируют значительно более низкие адаптивные возможности американской модели эффективного государства в социальной сфере в сравнении с экономической. Аналогичные тенденции характерны для других развитых стран. В Европейском Союзе наблюдается увеличение пенсионного возраста до 65 и 72–73 лет, уменьшается доступ населения к услугам высшего образования и качественного здравоохранения, растет духовная опустошенность. История как бы разворачивается вспять – от обобществления собственности к нарастанию процессов капитализации и концентрации капитала, от социализации экономических отношений к усилению эффектов эксплуатации.

Пытаясь разрешить нарастающие противоречия в общественном секторе, научная элита стремится изменить традиционный взгляд на роль государства в рыночной экономике. Однако такие попытки в силу кризисного состояния официальной экономической доктрины (а вместе с тем и механизмов реального управления хозяйственными процессами) не по-

⁶ Новая эра социальной справедливости. Доклад Генерального директора на 100-й сессии Международной конференции труда. Женева: Международное бюро труда, 2011.

лучают конструктивного институционального подкрепления и диффузии в ткань общественной жизни. В частности, профессор экономики инноваций Университета Сассекса М. Мадзукато предлагает преодолеть укоренившиеся представления о том, что инновационная деятельность является сферой исключительных интересов субъектов бизнеса, в то время как задачи государства сводятся к стимулированию такой деятельности посредством ликвидации провалов рынка. По мнению автора, в странах с сильными инновационными традициями государство всегда выступало не служителем, но ключевым партнером бизнеса, часто, более смелым и решительным. На всем протяжении инновационной цепочки, от базовых научных исследований до внедрения в производство, именно правительства осуществляли необходимые инвестиции, которые впоследствии формировали принципиально новые рынки в области медицины, систем общественного управления, информационных коммуникаций, освоения космического пространства, нано- и биотехнологий и продуктов, чистой энергии, добычи сланцевого газа и другие (Мадзукато, 2015. С. 200).

В условиях рынка государственные расходы на инновации, как правило, оцениваются весьма узко, без учёта эффекта масштаба и бремени несения рисков. Для осуществления инновационных проектов часто требуются десятилетия, и на каждый успешный проект приходится множество несостоявшихся. Получить отдачу от вложенных инвестиций государство может, взимая налог с прибыли успешных фирм. Однако ставки налогов на протяжении нескольких десятилетий в развитых странах снижались, в том числе, для стимулирования субъектов бизнеса как "единственных" создателей инновационных продуктов. Вследствие мобильности капиталов фирмы получают широкие возможности укрывать свои прибыли и перекладывать бремя убытков на плечи общества. По мнению Мадзукато, изменить ситуацию на рынке инновационных инвестиций может симбиотическое государственно-частное партнерство (Мадзукато, 2015. С. 208). Но в условиях диффузии стандартов оппортунистического поведения такое партнерство оказывается невозможным. Между тем акцент на том, что важнейшей миссией государства является широкое (панорамное) обозрение сути, перспектив и последствий инновационного процесса заслуживает внимания. Такую функцию в принципе не могут выполнить частные фирмы. Особое значение инновационная миссия государства приобретает при поиске ответов на социальные вызовы бытия.

Проблема социальной неустроенности и инфраструктурной недостаточности наиболее зримо проявляется на постсоветском пространстве. Невнимание к программам развития образования, науки, культуры, здравоохранения стало ключевым фактором вытеснения национальных экономик на периферию мировой общественной жизни. Остро стоит проблема реформирования социальной, транспортной инфраструктуры, системы жилищно-коммунального хозяйства. Несовершенство производственной инфраструктуры в условиях распространения цифровых технологий и систем автоматизированного проектирования грозит деиндустриализацией экономики.

В Украине инфраструктурный сектор занимает важное место в экономике; объем услуг производственной инфраструктуры к началу 2000-х годов составлял более 15% в общих объемах производства, а с учётом секторов топливного обеспечения – около 24% (Піріашвілі, Никифорул (ред.), 2014. С. 69). Однако нынешнее состояние инфраструктурных объектов и систем характеризуется высоким уровнем износа основных фондов; в то время как усилия по модернизации инфраструктуры носят фрагментарный характер, такие проекты постоянно недофинансируются. Особо значимой является сфера транспорта и связи; по итогам 2013 года, удельный вес её услуг в структуре валовой добавленной стоимости составил 9,3%, объем освоенных здесь капитальных инвестиций – 6,5% (2,3% ВВП), количество занятых – 6,7% от общих показателей в экономике. Транспортная система Украины

ежедневно перемещает более 18 млн пассажиров и 5 млн тонн грузов, занимая передовые позиции в мире по размерам дорожной сети и протяженности трубопроводов (Никифоруk, 2014. С. 244; Никифоруk, Чмирьова, Федяй, 2015. С. 46). Между тем в международных экономических рейтингах транспортной инфраструктуры наша страна, как правило, не поднимается на высокие ступеньки (Никифоруk, 2014. С. 243–252). Причинами такого положения дел специалисты считают отсутствие в Украине комплексного подхода к развитию инфраструктурных отраслей, распыленность задач, слабую взаимосвязь разрабатываемых здесь стратегий с другими экономическими программами (Никифоруk, 2014. С. 379).

Между тем слабая результативность планов модернизации инфраструктурного и других секторов экономики обусловливается наличием более общей проблемы становления в Украине модели эффективного инновационного государства. Важно учитывать, что полноценно выполнять свою историческую инновационную миссию государство не может сегодня не только в переходных экономиках, но и в развитых странах. Нарастание экономических дисбалансов побуждает правительства сосредоточиться на решении конкретных хозяйственных проблем с помощью проверенного набора инструментов, но такой подход, исключенный из контекста общих перспектив социально-экономического развития, продуцирует формирование порочной спирали пессимистических настроений и кризисного воспроизводства.

По мнению Ж. Сапира, во Франции, например, бремя кризиса ощущается на протяжении последних шести лет, что позволяет говорить о наличии кумулятивного эффекта. Наступление бедности усугубляется политикой сокращения государственных расходов и нарастанием безработицы на фоне ухудшения мировой рыночной конъюнктуры (Сапир, 2015. С. 93–94). Меры жесткой бюджетной экономии начали применяться в Европе с 2010–2011 годов; наиболее болезненные из них были приняты в Греции, Испании, Португалии, а затем распространились на другие государства. Сегодня политика жесткой бюджетной экономии активно реализуется в Украине; её осуществление направлено на сокращение размеров государственного долга, который, как предполагается, может сдерживать экономический рост. Однако, по мнению специалистов, недальновидность такой политики обусловлена несовершенством моделей экономического прогнозирования, которые упрощенно трактуют хозяйственные отношения, используют для их объяснения и прогнозирования несовершенные показатели (в частности, мультипликатор государственных расходов и другие). Аналогичными недостатками страдают модели, интерпретирующие суть и динамику инвестиционного процесса (Сапир, 2015. С. 101–104).

Выявлять закономерности становления новой системы государственного управления и реформирования общественного сектора экономики сегодня предстоит всем странам сообща, и Украина вполне способна заложить инновационные подходы на этом пути. Так как устойчивое развитие национальной экономики невозможно вне социума, без широкой вовлеченности в него широких слоев населения, то преодоление кризиса социального государства следует искать на таких основаниях, когда само социальное развитие, устраняя отчуждение между бедностью и богатством, становится инновационным ресурсом справедливого общественного, государственного и экономического обустройства (Гец, 2013. С. 97–98). Предполагается, что в наступившем веке успешными будут государства, способные воспользоваться собственным историческим опытом и заимствовать лучшие качества других моделей для мобилизации жизненных сил и ресурсов посредством:

- эффективного управления элитами,
- формирования системы стратегического планирования,
- налаживания механизмов взаимодействия с гражданским обществом,
- "умного" инвестирования в социальные программы,

– создания собственного привлекательного имиджа (Цыганков, 2015. С. 17–18).

Однако современное государство, захваченное формальными моделями и стереотипами управленческих подходов, ориентировано на решение узких прагматических задач и не склонно к широкому панорамному мышлению, осознанию своей инновационной миссии. Пытаясь перенять навыки рыночного управления, характерные для фирмы, руководствуясь принципами эффективности в производстве и предоставлении общественных благ, государственные структуры остро нуждаются в новой методологической платформе, адекватно отображающей законы социально-экономической инверсии и содержание социально-экономической природы фирмы.

Литература

- Артёмова Т.И. (2006). Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования. К.: Основа.
- Артёмова Т.И. (2011). Методологическая анатомия глобального финансово-экономического кризиса // Экономическая теория. № 2. С. 16–32.
- Геец В. (2013). О будущем социального государства // Мир перемен. №4. С. 88–103.
- Гриценко А. (2011). Методологічні основи модернізації України // Економіка України. № 2. С. 4–12.
- Губанов С. (2001). Вертикальная интеграция – магистральный путь развития // Экономист. №1. С. 35–49.
- Делягин М. (2015). Чего мы не знаем // Свободная мысль. № 1. С. 37–50.
- Кибенко Е.Р. (2001). Корпоративное право Украины. Х.: Эспада.
- Коровин В. (2014). Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер Пресс.
- Мадзукато М. (2015). Инновационное государство // Россия в глобальной политике. № 3. С. 199–210.
- Никифорок О.І. (2014). Модернізація наземних транспортних систем України. ДУ "Інститут економіки та прогнозування НАН України". К.
- Никифорок О.І., Чмирьова Л.Ю., Федяй Н.О. (2015). Перспективи фінансування транспортних проєктів у рамках міжнародної фінансової допомоги // Економіка України. № 4. С. 45–57.
- Піріашвілі Б.З., Никифорок О.І. (ред.) (2014). Засади модернізації виробничої інфраструктури України. ДУ "Інститут економіки та прогнозування НАН України". К.
- Сапир Ж. (2015). Французская экономика в 2014 г.: кризис конъюнктурный и кризис структурный // Проблемы прогнозирования. № 2. С. 93–107.
- Стиглиц Дж. Ю. (2005). Ревущие девяностые. Семена развала. М.: Современная экономика и право.
- Супян В.Б. (2002). Роль государства в американской экономике: теория и практика // США – Канада: ЭПК. № 1. С. 2–17.
- Супян В.Б. (2015). Американская экономическая модель: характерные черты и эффективность в начале XXI века // США – Канада: ЭПК. № 7. С. 3–25.
- Цыганков А. (2015). Сильное государство: теория и практика в XXI веке // Россия в глобальной политике. № 3. С. 8–18.
- Шлихтер А. (2014). Общественные блага в США: распределение и финансирование // Мировая экономика и международные отношения. № 5. С. 42–52.
- Feigenbaum H., Henig J., Hament Ch. (1998). Shrinking the State // The Political Underpinning of Privatization. Cambridge.
- Fridman M. (1962). Capitalism, Freedom and Democracy. Chicago.

References

- Artemova T.I. (2006). Stoimost' i cena: logiko-istoricheskij process formoobrazovanija [Cost and price: the logical-historical process of formation]. Kiev: Osнова. (In Russian)
- Artemova T.I. (2011). Metodologicheskaja anatomija global'nogo finansovo-jekonomicheskogo krizisa [Methodological anatomy of the global financial and economic crisis]. *Jekonomicheskaja teorija*. № 2. P. 16–32. (In Russian)
- Geec V. (2013). O budushhem social'nogo gosudarstva [On the future of the welfare state]. *Mir peremen*. №4. P. 88–103. (In Russian)
- Hrytsenko A. (2011). Metodolohichni osnovy modernizatsii Ukrainy [Methodological bases modernize Ukraine]. *Ekonomika Ukrainy*. № 2. P. 4–12. (In Ukrainian)
- Gubanov S. (2001). Vertikal'naja integracija – magistral'nyj put' razvitija [Vertical integration - the main way of development]. *Jekonomist*. №1. S. 35–49. (In Russian)
- Deljagin M. (2015). Chego my ne znaem [What we do not know]. *Svobodnaja mysl'*. № 1. S. 37–50. (In Russian)
- Kibenko E.R. (2001). Korporativnoe pravo Ukrainy [Corporate law in Ukraine]. Har'kov: Jespada. (In Russian)
- Korovin V. (2014). Tret'ja mirovaja setevaja vojna [Third World network war]. Sankt-Peterburg.: Piter Press. (In Russian)

- Madzukato M. (2015). Innovacionnoe gosudarstvo [Innovative State]. *Rossija v global'noj politike*. № 3. S. 199–210. (In Russian)
- Nikiforuk O.I. (2014). Modernizatsiia nazemnykh transportnykh system Ukrainy [Modernization of surface transportation systems of Ukraine]. DU "Instytut ekonomiky ta prohnozuvannia NAN Ukrainy". Kyiv. (In Ukrainian)
- Nikiforuk O.I., Chmyrova L.Iu., Fediai N.O. (2015). Perspektyvy finansuvannia transportnykh proektiv u ramkakh mizhnarodnoi finansovoi dopomohy [Prospects for funding transport projects in the framework of international financial assistance]. *Ekonomika Ukrainy*. № 4. S. 45–57. (In Ukrainian)
- Piriashvili B.Z., Nikiforuk O.I. (red.) (2014). Zasady modernizatsii vyrobnychoi infrastruktury Ukrainy. DU "Instytut ekonomiky ta prohnozuvannia NAN Ukrainy" [The principles of the modernization of production infrastructure Ukraine]. Kyiv. (In Ukrainian)
- Sapir Zh. (2015). Francuzskaja jekonomika v 2014 g.: krizis kon#junkturnyj i krizis strukturnyj [The French economy in 2014.: conjunctural crisis and structural crisis]. *Problemy prognozirovanija*. № 2. P. 93–107. (In Russian)
- Stiglic Dzh. Ju. (2005). Revushhie devjanostye. Semena razvala [Roaring Nineties. The seeds of collapse]. Moskva: Sovremennaja jekonomika i pravo. (In Russian)
- Supjan V.B. (2002). Rol' gosudarstva v amerikanskoj jekonomike: teorija i praktika [The state's role in the American economy: theory and practice]. *SShA – Kanada: JePK*. № 1. P. 2–17. (In Russian)
- Supjan V.B. (2015). Amerikanskaja jekonomicheskaja model': harakternye cherty i jeffektivnost' v nachale HHI veka [The American economic model: characteristics and efficiency at the beginning of the XXI century]. *SShA – Kanada: JePK*. № 7. P. 3–25. (In Russian)
- Cygankov A. (2015). Sil'noe gosudarstvo: teorija i praktika v HHI veke [Strong State: The Theory and Practice in the XXI century]. *Rossija v global'noj politike*. № 3. P. 8–18. (In Russian)
- Shlihter A. (2014). Obshhestvennye blaga v SShA: raspredelenie i finansirovanie [Public goods in the United States: the distribution and financing]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. № 5. S. 42–52. (In Russian)
- Eigenbaum H., Henig J., Hament Ch.* (1998). *Shrinking the State // The Political Underpinning of Privatization*. Cambridge. (In English)
- Fridman M.* (1962). *Capitalism, Freedom and Democracy*. Chicago. (In English)

Поступление в редакцию 24.05.2016 г.

RELATIONS OF SOCIAL REPRODUCTION IN UKRAINE IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF THE MODELS OF STATE MANAGEMENT

Tatiana Artemova

Author affiliation: Doctor of Economics, Institute for Economics and Forecasting, NAS of Ukraine, Kyiv. E-mail: vobulimans85@mail.ru.

Problems of modernization of the national economy and raising the people's welfare still remain urgent after a quarter-century of market reforms; the successful resolution of these problems requires understanding of the world experience of transforming the general model of market economy on the verge of XX-XXI centuries. The article clarifies the meaning and patterns of global transformation of the public sector as a conceptual platform for Ukraine to attain the path of sustainable socio-economic development.

Key words: public sector, global transformations, public property, efficient management of corporate rights.

JEL: B410:H820.